

Произведения Н.В. Гоголя и цензура

© 2021, И.А. Виноградов

Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук,
Москва, Россия

Аннотация: Впервые представлен аналитический обзор всех без исключения цензурных историй произведений Н.В. Гоголя. Воссоздается объективная картина взаимоотношений Гоголя с цензурой. Выводы исследования позволяют с серьезным основанием принципиально иначе судить о вмешательстве цензоров в произведения писателя, в сравнении с теми представлениями, которые без весомых доказательств предлагались литературоведением предшествующего периода. На основании тщательного анализа, с привлечением многочисленных архивных источников, пересматриваются расхожие, стереотипные мнения об исключительно негативной роли цензуры в судьбе Гоголя. Самым весомым отрицательным результатом среди всех цензурных вмешательств в гоголевские произведения оказалась деятельность цензора западнических, оппозиционных правительству взглядов, профессора Петербургского университета, А.В. Никитенко. Именно многочисленные сокращения Никитенко, приятеля В.Г. Белинского, в религиозно-патриотической книге Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями» писатель называл «цензурным убийством». Не менее существенным было вмешательство либерального цензора в тексты «Мертвых душ», «Театрального разезда после представления новой комедии» и других произведений писателя. Делается вывод, что за исключением этой «интриги» против Гоголя цензора Никитенко, в целом гоголевские тексты встретили в цензуре сравнительно несущественные затруднения.

Ключевые слова: Н.В. Гоголь, биография, творчество писателя, цензура, авторский замысел, поэтика, общественная идеология, история России, духовное наследие.

Информация об авторе: Игорь Алексеевич Виноградов — доктор филологических наук, главный научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-9151-4554>. E-mail: info@imli.ru.

Для цитирования: Виноградов И.А. Произведения Н.В. Гоголя и цензура // Литературный факт. 2021. № 2 (20). С. 238–256. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2021-20-238-256>

Автором настоящей статьи недавно завершена работа над монографией «Н.В. Гоголь и цензура. Взаимоотношения художника и власти как ключевая проблема гоголевского наследия». Проведенное исследование позволило сделать целый ряд принципиальных выводов, которые предлагаются в данной статье. Содержание выполненного труда представляет собой исчерпывающий фактографический свод цензурных историй всех без исключения произведений русского классика. Новизна и актуальность монографии сравнительно с предшествующими работами по проблемам цензуры заключается в нескольких важных аспектах. Прежде всего новаторство работы состоит в энциклопедичности исследовательского подхода. С привлечением многочисленных архивных источников составлен комплекс историко-литературных данных, отражающих все явления и проблемы в рамках избранной темы. Актуальность работы обуславливается тем, что к настоящему времени в науке о Гоголе по вопросу о взаимоотношениях писателя с цензурой накоплено обширное количество разрозненных фактов, настоятельно требовавших сравнительного обобщения и осмысления. Актуальность труда определяется также кардинальной постановкой самой проблемы, являющейся в современной науке настоящим «белым пятном». Несмотря на крайнюю, идеологически заостренную «востребованность» в советскую эпоху темы «Гоголь и цензура», оказалось, что за шестьдесят лет по этому вопросу не было написано ни одной книги, не защищено ни одной диссертации. Выводы работы позволяют с серьезным основанием принципиально иначе судить о вмешательстве цензуры в произведения писателя, в сравнении с теми представлениями, которые без весомых доказательств предлагались литературоведением предшествующего периода. К числу таких новых базовых тезисов относится аргументированное заключение о положительных, в большинстве случаев, результатах взаимодействия Гоголя с цензурой, развенчание ошибочных представлений о ее исключительно негативной роли в судьбе писателя, о важности и социальной значимости общественного института цензуры как такового.

Особое внимание в работе уделено отношению к цензурным историям гоголевских произведений самого писателя. Детально прослежено неизменное стремление Гоголя-сатирика соответствовать правительственным начинаниям по укреплению законности и нравственному воспитанию современников. Всесторонне рассмотрена проблема контрастного соотношения между «пастырским», духовно-нравственным обличением Гоголя и неофициальной политической пропагандой его времени, в атмосфере которой происходило,

помимо воли писателя, радикальное искажение смысла его произведений. Выявлены характер и последовательная логика работы конкретных цензоров (более двадцати) с гоголевскими произведениями. Принципиальной особенностью работы является также то, что в ней в каждом проблемном случае цензурной правки детально *объясняется* позиция цензора и мысль Гоголя, встретившая препятствия. Этого нельзя найти в предшествующих гоголеведческих работах, в том числе в академических комментариях.

В числе негативных примеров рассмотрены случаи предвзятости цензуры по отношению к некоторым лояльным замыслам Гоголя. Серьезной проблемой оказалась деятельность двух чиновников цензурного ведомства (петербургского — А.В. Никитенко, и московского — Н.И. Крылова), сыгравших важную, но неоднозначную роль в цензурировании гоголевских текстов. Вопреки занимаемой должности, эти цензоры придерживались оппозиционных взглядов и своим цензурным вмешательством намеренно приглушали религиозный и патриотический пафос сочинений писателя, чем предвосхитили в XIX в. будущий диктат в отношении к этой стороне гоголевского наследия советской цензуры. Прежде всего это касается цензора Никитенко, от неумеренных сокращений которого пострадали при подготовке к печати несколько важнейших произведений Гоголя: «Мертвые души», «Театральный разъезд...», «Выбранные места из переписки с друзьями» и др.

За исключением этой «интриги» цензоров оппозиционного лагеря против Гоголя, в целом можно говорить о сравнительно несущественных затруднениях, которое встретили гоголевские тексты в цензуре. Чтобы сделать этот аргументированный вывод, понадобилось преодолеть целый ряд расхожих, стереотипных, лишенных фактических оснований идеологизированных представлений, проанализировать обширный материал самого разнообразного характера. Вопреки заявлениям В.Г. Белинского, приятеля Никитенко, об «измене» Гоголя в последний период творчества прежним — будто бы противоправительственным — настроениям, всестороннее исследование о роли государственной литературной политики в гоголевском становлении и развитии многократно подтверждает настоятельные заверения самого писателя о неизменности и непротиворечивом идейном единстве его творческого пути. Устанавливается, что собственная, внутренняя «самоцензура» была для Гоголя как художника-христианина гораздо более важной, чем внешняя, она формировала сам его писательский облик как обличителя «пошлости» и духовной мертвенности, прежде всего в собственной душе.

Безусловно, само существование цензуры наложило существенный отпечаток на творчество Гоголя, сообщив его произведениям отчасти иносказательный стиль и «полу-эзопов» язык. Наряду с проблемой многозначности художественного образа как такового, сложности восприятия и понимания гоголевских произведений кроются отчасти и в этом обстоятельстве. Можно только догадываться, какими бы вышли из-под пера Гоголя его создания, не будь у писателя постоянной оглядки на возможное недопонимание или даже порой предвзятое отношение к его сочинениям подозрительного цензурного ведомства, т. е. пиши он открыто то, что думает. В определенной мере именно цензурные условия послужили тому, что в произведениях Гоголя либерально настроенные современники стали искать те смыслы, какие сам писатель в них никогда не вкладывал. Цензурный контроль невольно, но определенно провоцировал восприятие художественных произведений в оппозиционном духе. В полной мере эта «провокативная» роль запретительных мер, — являвшаяся помимо воли представителей цензуры и даже вопреки их усилиям, сказалась на восприятии гоголевского творчества.

Эту противоречивую, с негативными результатами историю, случившуюся с гоголевскими произведениями, хорошо понимал сам их создатель. Гоголь неоднократно подчеркивал необходимость доверия со стороны правительства к любому подданному в государстве, в том числе к писателю. Автор «Ревизора» указывал, что, вопреки цели, преследуемой той или иной «ревизией», проверкой, цензурным преследованием, эти меры приводят подчас к иным результатам — прямо противоположным тем, какими они мотивировались. Гоголь ставил под сомнение мысль об исключительном значении в деле гражданского устройства законнических, полицейских мер — мер внешней государственной «ревизии», отнимающей «доверье к благородству человека» [8, т. VI, с. 144], подменяющей и вытесняющей собой нравственное образование общества. В отдельном наброске он писал: «Нет, власть, действуй прямо. Укажи нам всем долг наш, но не связывай в то же время и рук наших и не бесчесть нас обидным подозреньем. Говори с нами благородным голосом, и будет благороден ответ» [8, т. VI, с. 406].

Показательно, что вполне «по-гоголевски» — с мыслью о воскрешении «мертвых душ» подчиненных и сознанием необходимости пробуждения в человеке памяти о «небесном гражданстве» — поступал, в частности, будучи на посту генерал-губернатора, во время своих «ревизий», близкий друг Гоголя, граф А.П. Толстой, впоследствии обер-прокурор Святейшего Синода. По воспоминаниям А.О. Смир-

новой, «раз он поехал в уездный город и пошел в уездный суд, вошел туда, помолился пред образом и сказал испуганным чиновникам, что у них страшный беспорядок. “Снимите-ка мне ваш образ! О, да он весь загажен мухами! Подайте мел, я вам покажу, как чистят ризу”. Он вычистил его, перекрестился и поставил его в углу. “Я вам изменю киоту, за стеклом мухи не заберутся, и вы молитесь; все у вас будет в порядке”. Ничего не смотрел, к великой радости оторопелых чиновников; и с чем приехал, с тем уехал и, возвратившись, рассказал жене, что все там в порядке». «Я думаю, — добавляла А.О. Смирнова, — что такие губернаторы лучше тех, которые все принимают en sérieux¹ и всякое лыко в строку» [15, с. 226].

До конца жизни Гоголь продолжал размышлять над проблемами, поднятыми им в «Ревизоре». Даже незадолго до смерти, осенью 1851 г., он устраивал авторское чтение своей комедии для московских актеров. Его не оставляла мысль о возможности не полицейской, но *нравственной* «ревизии» для русского общества.

Закономерно, что в числе проблем, поставленных в «Ревизоре», в поле зрения Гоголя постоянно находились те, что порождались деятельностью одного из правительственных надзорных органов — государственной цензуры. Одним из явлений, оказавших существенное влияние на прохождение в цензуре гоголевских произведений, стало постепенное проникновение в служащие цензурного ведомства представителей либеральной партии (кроме упомянутых Н.И. Крылова и А.В. Никитенко, здесь можно назвать цензоров М.Т. Каченовского, О.И. Сенковского, Е.И. Ольдекопа, С.Н. Глинку, Л.Л. Штюрмера и др.). Вследствие этого явления усилия правительства по установлению надлежащего порядка и необходимого контроля за печатью оказывались непоследовательными и не достаточно результативными — именно по причине появления на цензурных постах представителей оппозиционной к правительству партии. При этом «провокативные» следствия от деятельности таких цензоров становились еще более пагубными. С одной стороны, это происходило вследствие повышенной, *показной* строгости, которую, доказывая свою лояльность, демонстрировали перед начальством либеральные цензоры, с другой, — результативность цензуры в противостоянии антигосударственным веяниям закономерно снижалась из-за попустительства тех же цензоров в сколько-нибудь возможных, без ущерба для их служебной карьеры других случаях, которые

¹ всерьез (*фр.*)

представлялись удобными для пропаганды в печати оппозиционных взглядов.

Не менее очевидна и другая значимая сторона проблемы. Решение новых стратегических задач, стоящих перед современностью, политическое и духовное обновление современной России связаны с кардинальными процессами в гуманитарной науке. Совершается справедливая реабилитация жертв массовых политических репрессий, канонизация десятков тысяч новомучеников и исповедников Российских, осуществляется глубокая научная ревизия истории страны в целом. Продолжается также, хотя в значительной мере находится еще в становлении, выработка новой научной концепции отечественной словесности XIX–XX вв., задача создания которой встала перед российской наукой в начале 1990-х гг. Наряду с этими процессами, в аналогичной политической реабилитации насущно нуждается и российская цензура. При всех недостатках цензурного ведомства XIX в., освещению которых уделяла исключительное внимание предшествующая радикальная критика, российская цензура тем не менее всегда стояла на переднем плане борьбы с теми негативными процессами, которые получили развитие в последующем, XX в., с формированием атеистических идеологий и широкими манипуляциями общественным мнением. Можно с достаточным основанием утверждать, что именно отечественная цензура XIX в., светская и духовная, боролась с теми негативными процессами, которые породили катастрофические катаклизмы XX в. — революцию и господство агрессивной атеистической идеологии в России, а спустя несколько лет — Вторую мировую войну. Появление новых учений, не сдерживаемых охранительными для человечества христианскими ценностями, явилась главной причиной деградирующих тенденций истекшей эпохи. Пастор Морис Фукс, бывший охранник Роберта Джексона, главного обвинителя военных преступников на Нюрнбергском процессе со стороны США, замечал: «Люди, способные творить зло и подчиняться злу, есть всегда и везде. Нужно не дать им объединиться, как это произошло в гитлеровской Германии, не дать злу вырваться на свободу» [10, с. 48]. В историческом следовании России традиционным ценностям, в самоотверженном подвиге ее воинов на полях сражений и в стоянии до крови ее новомучеников в духовной брани «русский народ продемонстрировал миру великую победу над силами мирового зла» [11, с. 153]. Необходимость для любого времени мер социальной защиты, в том числе мер цензурных, в доказательствах не нуждается. Ради воссоздания объективной исторической картины предвзятые представления о роли цензуры

в XIX в., сложившиеся в советскую эпоху, нуждаются ныне в существенном пересмотре.

Сложность и многообразие проблем, которыми отмечена в обществе деятельность цензуры, в полной мере нашли отражение в цензурных историях гоголевских произведений. Хотя, очевидно, что останется навсегда неизвестным, как бы Гоголь написал свои произведения — «в какой форме» [14, с. 370] высказал свои мысли, не будь цензуры, т. е. если бы ему не приходилось постоянно соотносить свою деятельность с охранительными институтами общества и государства, тем не менее содержание гоголевских произведений, изучение сути взглядов Гоголя как христианского писателя, дают достаточные основания утверждать, что принципиального разлада между его мировоззрением и традиционной общественной и официальной идеологией не существовало. «Идеология» собственной, гоголевской самоцензуры не только совпадала с идеологией правительственной цензуры, но порой опережала последнюю, была строже официальных ограничительных мер. Более того. Самоцензура отнюдь не являлась вынужденной оглядкой писателя на внешние запретительные меры, но выступала одним из основополагающих принципов гоголевской поэтики. «Внутренняя цензура» Гоголя не только не была препятствием для самовыражения художника, но составляла одну из коренных, принципиальных особенностей гоголевского творчества. Исходя из общего святоотеческого представления о падшести человеческой природы, духовная оценочная «автоцензура» Гоголя придавала почерпнутым им из собственной души образам по преимуществу критический, сатирический характер². Отношение Гоголя к негативным частным и общественным явлениям наглядно передавалось через его сатиру и объективно совпадало с направлением деятельности правительства по искоренению тех же недостатков и пороков, общего и личного характера, в масштабе всей страны³.

Как уже отмечалось, Гоголь скептически относился к мысли о возможности исправить мир с помощью всевозможных внешних «ревизий» — от полицейского государственного надзора до революционной «чистки». «А вы думаете, легко воров выгнать? — обращался он в конце жизни к последователям Белинского. — Царь, который только и думает о том, как их выгнать, да и тот не может, — Царь, у которого и войско, и вся сила есть. Как же вы хотите, без всякой

² См. подробнее: [5].

³ О серьезной, многосторонней ориентации Гоголя на протяжении всего его творческого пути на правительственную и церковную законотворческую деятельность см.: [4; 2].

силы и власти, это сделать? Что спяна передушите всех, думаете поправить? Думаете, лучше будет погибнуть? Те, которых шеи потолще, останутся. Что, те святые, что ль? Еще больше станут допекать друг друга» [8, т. IX, с. 705].

В статье «Занимающему важное место», написанной в результате бесед с упомянутым графом А.П. Толстым, Гоголь писал: «Вы очень хорошо знаете, что приставить нового чиновника для того, чтобы ограничить прежнего в его воровстве, значит сделать двух воров наместо одного. Да и вообще система ограничения — самая мелочная система. <...> Эта <...> система <...> могла образоваться только в государствах колониальных, которые составились из народа всякого сброда, не имеющего национальной целизны и духа народного, где неизвестны ни самоотвержение, ни благородство, а только одни корыстные личные выгоды» [8, т. VI, с. 144].

Имея в виду проправительственные и церковно ориентированные намерения Гоголя, следует со всей определенностью подчеркнуть, что прохождение его произведений в цензуре встречало препятствия преимущественно либо вследствие недостаточного понимания тем или иным цензором авторского замысла, из предвзятого цензорского недоверия к писателю, либо из сознательного противодействия религиозно-консервативному направлению деятельности Гоголя со стороны цензоров, придерживавшихся, вопреки своей служебной должности, противоположных, либерально-оппозиционных взглядов.

Именно к такому «подвоху» со стороны правительственной цензуры Гоголь был «не готов», на идеологическое давление на его произведения с *этой* стороны не рассчитывал. Чем более откровенным, в духе самого правительства и Церкви, оказывалось то или иное гоголевское сочинение, тем большее затаенное сопротивление встречало оно в цензуре со стороны *противоправительственной* партии. В этом — принципиальное отличие Гоголя от писателя либерального или оппозиционного толка. Произведения последнего, при определенном умении маскировать свои взгляды, излагать их иносказательно, в принципе могут получить одобрение самой зыскательной цензуры. Особенность Гоголя — не только как создателя «Выбранных мест из переписки с друзьями», но и других произведений, — заключается в том, что своим содержанием его сочинения не только не являются противоправительственными, нуждающимися в охранительных, превентивных мерах, но, напротив, своим органичным соответствием важнейшим государственным интересам и установлениям Церкви очень часто обличали субъективный либерализм чиновника, занимавшего пост правительственного цензора.

Фактические выводы, полученные в результате изучения всех цензурных историй гоголевских произведений, начиная с самых ранних, кончая итоговыми, состоят в следующем.

1. Минимальным, едва угадываемым было цензурное вмешательство в первых произведениях Гоголя, появившихся в печати, — поэме «Ганц Кюхельгартен» и стихотворении «Италия».

2. Лишь редакторскими исправлениями ограничилось, по-видимому, появление в печати первой повести Гоголя «Бисаврюк, или Вечер накануне Ивана Купала», опубликованной в 1830 г. в «славянофильском» журнале П.П. Свиньина «Отечественные Записки».

3. Очевидно, не коснулась рука цензора целого ряда документов и фольклорных материалов по истории Малороссии, подготовленных Гоголем в том же 1830 г. для журнала Свиньина, включая статью «О прежних правах, вольностях и преимуществах Малороссии». При предвзятом подходе эта статья, — по-видимому, составленная Гоголем, — вполне могла быть истолкована как «сепаратистская». В свое время за «прошение» аналогичного содержания Императрица Екатерина II отстранила графа К.Г. Разумовского от должности гетмана Войска Запорожского. Сам Гоголь, однако, всегда мыслил Украину в составе Руси — России — Российской Империи. В одной из своих лекций по истории он замечал: «Царь Алексей Михайлович возвратил от Польши похищенные ею Малороссийские провинции» [8, т. VIII, с. 96].

4. Нет свидетельств цензурного вмешательства в произведения Гоголя, напечатанные в конце 1830 – начале 1831 г. в альманахе барона А.А. Дельвига «Северные Цветы на 1831 год» («Глава из исторического романа»), а также в «Литературной Газете» О.М. Сомова («Страшный кабан», «Несколько мыслей о преподавании детям Географии», «Женщина»).

5. Терпимым и даже весьма благожелательным было отношение цензуры к первому гоголевскому циклу «Вечера на хуторе близ Диканьки» (1831–1832). Обоснования конъектур, предложенных позднее советскими и постсоветскими издателями гоголевских сочинений в повестях этого сборника, в большинстве своем носят надуманный, произвольный характер.

6. Согласно сохранившимся свидетельствам, обстоятельствами цензурного характера объясняется остановка работы Гоголя в 1832–1833 г. по крайней мере над двумя произведениями — повестью «Пращка» (отличавшейся «бесцеремонностью и двусмысленностью выражений» [1, с. 764]) и комедией «Владимир 3-ей степени» (в которой Гоголь хотел «обнять» «слишком много» [13, с. 528]). К этому

же кризисному в жизни писателя периоду относится еще целый ряд незавершенных произведений: оставленный роман «Гетьман», повести «Страшная рука», «Дождь» и др.

Прекращение работы над перечисленными произведениями, по причинам цензурного и творческого характера, не означало, однако, неуспеха Гоголя в реализации складывавшихся тогда авторских замыслов и окончательного отказа от занимавших его тем. Спустя некоторое время в «Отрывке из письма, писанного автором вскоре после первого представления “Ревизора” к одному литератору» Гоголь замечал: «Таланта не остановят ему указанные границы, как не остановят реку гранитные берега: напротив, вошедши в них, она быстрее и полнее движет свои волны» [8, т. III/IV, с. 306]. Тогда же, действуя по принципу «тех же щей, да пожиже влей» [8, т. XIV, с. 129, 217], писатель довел до печати содержание «Владимира 3-ей степени» не только в драматических отрывках, взятых непосредственно из этой пьесы, — «Утро чиновника», «Тяжба», «Лакейская», «Сцены из светской жизни» (или «Отрывок»), — но и в целом ряде других произведений: в «Записках сумасшедшего», «Ревизоре», «Мертвых душах», «Шинели». Во всех этих сочинениях Гоголь продолжил обличение чиновничества, не исполняющего свой служебный долг, предпринятое впервые во «Владимире 3-ей степени».

Аналогичный характер носила история дальнейшего творческого переосмысления повести «Прачка». Как и «Владимир 3-ей степени», эта повесть тоже носила подцензурный и одновременно проправительственный характер. Она была связана с целым рядом правительственных законов и указов о распутстве. От публикации этого несохранившегося произведения Гоголь отказался после частного обсуждения ее с цензором В.Н. Семеновым. По-видимому, отказ объяснялся чрезмерной фривольностью самой темы, затронутой в повести. Тем не менее поднятую в «Прачке» тему Гоголь также не оставил, воплотив ее впоследствии в «Невском проспекте», «Носе» и «Женитьбе».

Сходным образом тема «Страшной руки» впоследствии была реализована Гоголем в «Невском проспекте», «Носе», «Шинели»; тема «Дождя» — в «Невском проспекте» и «Записках сумасшедшего»; содержание «Гетьмана» и «Кровавого бандуриста» — в «Тарасе Бульбе» и «Вии». Неодолимым препятствием для гоголевских замыслов 1832–1833 гг. цензурные ограничения не стали.

7. В 1832–1834 гг. Гоголь с воодушевлением воспринял обнаруженную новым министром народного просвещения С.С. Уваровым программу образования на традиционных началах Православия,

Самодержавия, Народности — и вследствие этого предпринял шаги к активному сближению с министром. Сотрудничество с Уваровым, председателем Главного управления цензуры, главным «цензором» тогдашней эпохи, сказалося, в частности, в том, что в 1834 г. в основном министром «Журнале Миинистерства Народного Просвещения» появились четыре статьи Гоголя: «План преподавания всеобщей истории», «Отрывок из Истории Малороссии», «О малороссийских песнях», «О Средних веках». В цензурном отношении эти статьи оказались вполне лояльными.

8. Вмешательство цензуры в гоголевские произведения на протяжении всей жизни писателя можно было бы оценить в целом как сравнительно незначительное, если бы не та немалая, точнее сказать, самая весомая среди всех других цензоров роль, которую сыграл в цензурировании текстов Гоголя один из тогдашних либеральных чиновников цензурного ведомства, профессор Санкт-Петербургского университета А.В. Никитенко. Никитенко официально рассматривал произведения Гоголя на протяжении более десяти лет, с 1834 по 1846 гг. Он был цензором «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» (1834); «главы из романа» «Кровавый бандурист» (1834); «Письма Гоголя из Рима к редактору журнала «Современник» П.А. Плетневу» (1838); первого тома «Мертвых душ» (дважды: в 1842 и 1846 гг.); первого прижизненного собрания сочинений Гоголя в 4-х томах (1842); «Выбранных мест из переписки с друзьями» (1846); «Развязки Ревизора» (1846).

Вопреки занимаемой должности, цензор Никитенко — «другой экземпляр Белинского» (по определению П.А. Плетнева [12, с. 702]) — придерживался оппозиционных, западнических взглядов, и его деятельность на цензурском посту очень часто шла вразрез с религиозно-патриотическим пафосом творчества самого Гоголя.

Лишь по гоголевской реакции можно судить, что уже самые первые сокращения, сделанные Никитенко в 1834 г. в «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем», оказались для писателя весьма чувствительными (автограф повести не сохранился).

В том же 1834 г. Никитенко в полном объеме запретил повесть Гоголя «Кровавый бандурист». Запрещение Никитенко «Кровавого бандуриста» и последовавший затем целый ряд негативных отзывов журналистов, приятелей Никитенко, о гоголевских «Арабесках» были, судя по всему, следствием общей интриги единого круга либеральных литераторов против Гоголя, заявившего себя в ту пору в качестве активного сотрудника уваровского — правительственного

«Журнала Министерства Народного Просвещения». Находившийся в гуще событий Никитенко был одним из звеньев этой либеральной интриги.

Дважды безуспешно, в 1838 г., в <Письме из Рима к редактору журнала «Современник» П.А. Плетневу>, и в 1846 г., в статье «Исторический живописец Иванов», через цензора Никитенко проходил рассказ Гоголя о материальной помощи, оказанной ему в 1837 г. Императором Николаем I.

Чрезвычайно обширное количество цензурных исправлений в произведениях Гоголя было сделано Никитенко в 1842 г. Более семидесяти поправок и придинок со стороны этого цензора последовало к тексту «Мертвых душ». (На то, что Гоголь не предполагал видеть Никитенко в качестве цензора своей поэмы, с очевидностью указывает фамилия героя-доносчика «Никитенкова» в рукописях первого тома «Мертвых душ» [9, с. 365].) Если бы не большая снисходительность к гоголевскому произведению других членов Санкт-Петербургского цензурного комитета, результат цензурирования Никитенко гоголевской поэмы был бы однозначно негативным.

В собрании сочинений Гоголя 1842 г. Никитенко внес целый ряд исправлений в тексты «Шинели», «Женитьбы», «Игроков», «Тяжбы», «Отрывка» и других произведений. Главный цензурский удар в собрании (негласно организованный, вероятно, не без участия Белинского) пришелся на религиозно-политический «Театральный разъезд после представления новой комедии», который, будучи «заключительной статьей всего собрания сочинений» [8, т. XII, с. 123], представляет собой, по замыслу Гоголя, важный идеологический комментарий ко всему его творчеству.

В 1846 г. Никитенко хотя беспрепятственно пропустил второе издание первого тома «Мертвых душ» (цензурское вмешательство в полной мере было осуществлено им в 1842 г.), однако именно «благодаря» Никитенко, новое, принципиально важное, в духе «Выбранных мест из переписки с друзьями», предисловие Гоголя ко второму изданию «К читателю от сочинителя» *еще до выхода книги в свет* подверглось двойному негативному разбору в рецензиях западников В.Н. Майкова и В.Г. Белинского.

Поскольку о чрезвычайно значительном объеме претензий, которые Никитенко предъявил к «Мертвым душам» и произведениям, напечатанным в собрании сочинений Гоголя, сам писатель так и не узнал (отчасти они были дезавуированы другими членами Санкт-Петербургского цензурного комитета), то серьезным просчетом писателя стала передача этому цензору в 1846 г. своей итоговой книги

«Выбранные места из переписки с друзьями». Написанное «в духе самого правительства» и Церкви — ради укрепления начал Православия, Самодержавия, Народности (на это указывал сам писатель), гоголевское сочинение было подвергнуто Никитенко (и стоявшим за его спиной Белинским) столь жесткому цензорскому прещению, что, как и ранее, если бы цензурный комитет последовал в полной мере мнению «прогрессивного» цензора, то книга Гоголя оказалась бы сокращенной *более чем на четверть*.

В том же 1846 г. три цензурных вычерка Никитенко сделал в гоголевской «Развязке Ревизора». (Позднее, в 1856 г., пьеса была пропущена другим цензором, И.И. Бессомыкиным, без исправлений.)

9. Совершенно нетронутыми цензурой оказалась большая часть произведений, помещенных Гоголем в 1834 г. в сборниках «Арабески», «Миргород», во втором издании «Вечеров на хуторе близ Диканьки». Некоторые незначительные исправления были сделаны Гоголем, вероятно, по настоянию цензора, В.Н. Семенова, в «Невском проспекте» (публикация которого сама по себе является проявлением исключительной смелости цензуры; как уже отмечалось, в повести была поднята острая и злободневная тема распространенного в чиновном Петербурге распутства). «Неприятная зацепка» произошла в цензуре лишь с «Записками сумасшедшего». Цензора смутило слишком вольное, пронизанное смехом обращение Гоголя в этой повести с обличаемой «пошлостью» тщеславного петербургского чиновника.

10. Исключительным среди цензурных историй гоголевских произведения было разрешение в 1836 г. к печати и постановке «Ревизора». Это дозволение было дано самим Императором Николаем I. Собственно цензорское вмешательство в текст пьесы было формальным, хотя гоголевское обличение в «Ревизоре» лицемерного благочестия и псевдо-набожности встретило со стороны цензора, лютеранина и бывшего масона, Е.И. Ольдекопа, повышенные придирчивость и внимание.

11. Незначительными были цензурные претензии к повести «Коляска» и к драматическим сценам «Утро делового человека», напечатанным в 1836 г. в первом номере пушкинского «Современника». Отсутствуют свидетельства о цензурных исправлениях в опубликованных в этом же номере журнала еще нескольких гоголевских произведениях — в статье «О движении журнальной литературы, в 1835 и 1836 году» и в рецензиях на новые книги.

12. По-прежнему «соблазнительными» и острыми оставались темы, поднятые Гоголем в повести «Нос», напечатанной в том же году

в третьем томе «Современника». Содержание «Носа» перекликается с несохранившейся повестью Гоголя «Прачка», от публикации которой в 1832–1833 гг. писатель отказался. Цензор А.Л. Крылов сделал в «Носе», связанном с целым рядом правительственных указов о безнравственном поведении, несколько исправлений и сокращений.

13. В целом благополучно, с некоторыми исключениями и поправками, прошла в 1836 г. через цензуру (однако не была напечатана Пушкиным в журнале) гоголевская статья «Москва и Петербург. (Из записок Дорожного)», также готовившаяся для «Современника». Эта статья была использована позднее Гоголем в «Петербургских записках 1836 года». Последние, в составе которых оказалось также содержание статьи «Петербургская сцена в 1835–36 г.», беспрепятственно прошли цензуру в 1837 г.

14. Без цензурных исправлений было впервые опубликовано, хотя и довольно поздно, лишь в 1886 г., «Предупреждение для тех, которые пожелали бы сыграть как следует “Ревизора”», от напечатания которого Гоголь отказался сам, переработав этот текст и распределив его последовательно, в 1841 и в 1842 г. (см.: [7]), на два других произведения: на «Отрывок из письма, писанного автором вскоре после первого представления “Ревизора” к одному литератору» и на описание немой сцены в окончательной редакции «Ревизора». В 1841 г. Погодин, без ведома Гоголя, опубликовал «Отрывок из письма...» в своем «Москвитянине». Цензуру это произведение прошло тогда без поправок.

Однако в «Новых сценах к комедии “Ревизор”», а также в отдельной сцене «Хлестаков и Растаковский», которые Погодин тоже напечатал первоначально в 1841 г. в «Москвитянине», цензор Н.И. Крылов, придерживавшийся, подобно Никитенко, оппозиционных взглядов (вопреки занимаемой им должности), постарался, ради демонстрации лояльности перед вышестоящим начальством, проявить сугубую бдительность в защите чиновного сословия, — обличаемого Гоголем за лицемерие и нарушение должностных обязанностей. В отличие от либерала Н.И. Крылова, консервативный цензор И.М. Снегирев пропустил в том же 1841 г. во втором издании «Ревизора», за исключением двух случаев, почти все те многочисленные места, которые до него запретил в тех же гоголевских текстах Крылов.

15. Беспрепятственно была пропущена Н.И. Крыловым в 1842 г. совместная рецензия Гоголя и Погодина на альманах «Утренняя заря», напечатанная в «Москвитянине». Однако религиозные мотивы в повести Гоголя «Рим», также появившейся в 1842 г. в погодинском журнале, показали либеральному цензору сомнитель-

ными. Соответствующие два важные для Гоголя фрагмента Крылов вычеркнул.

16. Особо отличился «цензор-европеец» Н.И. Крылов и в цензурном преследовании первого тома «Мертвых душ», когда поэма в 1842 г. поступила на рассмотрение Московского цензурного комитета. Несмотря на одобрение текста «Мертвых душ» со стороны цензора «охранительных» взглядов И.М. Снегирева, которому Гоголь доверил свое произведение, поэма получила отрицательные отзывы остальных членов комитета. Кроме Крылова и Снегирева, в состав комитета входили председатель Д.П. Голохвастов (ревнитель старины, двоюродный брат А.И. Герцена, отец славянофила П.Д. Голохвастова), писатель и историк М.Т. Каченовский (известный своими скептическими взглядами на русскую историю), бывший учитель и гувернер В.П. Флеров (близкий к попечителю Московского учебного округа графу С.Г. Строганову — покровительствовавшему западникам).

Вследствие негативных отзывов о «Мертвых душах» московских цензоров Гоголь отправил поэму на цензурирование в Петербург, где она опять попала в руки одного из цензоров-западников — Никитенко. Гоголевское произведение, как указывалось, Никитенко подверг многочисленным исправлениям и сокращениям, найдя в нем «сомнительными» для пропуска в печать семьдесят три места.

Император Николай I, в отличие от благожелательной оценки «Ревизора», оценил первый том «Мертвых душ» критически. Кроме того, неодобрительное отношение проявил Государь в 1842 г. к постановке гоголевской «Женитьбы».

17. Несколько исправлений было сделано цензорами А.Л. Крыловым и С.С. Куторгой во второй редакции повести «Портрет», напечатанной в 1842 г. в плетневском «Современнике».

18. Продолжительной была история переиздания гоголевских сочинений, начатого в 1851 г. и завершено после смерти Гоголя С.П. Шевыревым и Н.П. Трушковским. Такое же немалое время заняла публикация сохранившихся от предсмертного сожжения глав второго тома «Мертвых душ», «Авторской исповеди» и «Размышлений о Божественной Литургии». Главной причиной продолжительности этих цензурных историй, растянувшихся на несколько лет, стала сомнительная слава «бессознательного революционера» [3, с. 186], которую еще при жизни Гоголя старательно, долгие годы, создавали в обществе западники, стремившиеся «завербовать» писателя, вопреки его недвусмысленным, открытым возражениям, под свое «знамя». Незадолго до утверждения в 1855 г. к печати сочинений Гоголя,

пяти глав второго тома поэмы и «Авторской исповеди» Император Николай I скончался и формальное разрешение подписал уже его Наследник — вступавший на престол Александр II. Незначительные цензорские поправки были сделаны тогда лишь в тексте «Авторской исповеди». Обоснованными были исправления духовного цензора в гоголевской книге о Литургии, одобренной к печати в 1857 г.

19. «Провокативными», однако недостоверными относительно возникших подцензурных подозрений оказались исправления первого биографа Гоголя П.А. Кулиша в двух письмах Гоголя 1838 г. (к М.П. Балабиной и к А.С. Данилевскому), а также в эссе «Ночи на вилле» 1839 г., которые были впервые напечатаны Кулишом в 1856 г. в биографических «Записках о жизни Н.В. Гоголя...».

20. Незначительные цензурные препятствия встретила в 1856 г. при подготовке к печати Н.П. Трушковским гоголевская «Учебная книга словесности для русского юношества».

Изложенный обзор цензурных историй гоголевских произведений до настоящего времени никогда не предпринимался. Представленный в полном объеме он существенно меняет сложившиеся в советскую и досоветскую эпоху представления об исключительно негативной роли цензуры в судьбе Гоголя. Главный вывод из проанализированных частных историй публикаций гоголевских произведений состоит в заключении о положительных в большинстве случаев итогах взаимодействия Гоголя с цензурой и о сравнительно несущественных в целом затруднениях, которое встретили здесь его сочинения.

Литература

1. *Виноградов И.А.* Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Полный систематический свод документальных свидетельств. Научно-критическое издание: в 3 т. М.: ИМЛИ РАН, 2011. Т. 1. 904 с.
2. *Виноградов И.А.* Концепт закона в творчестве Н.В. Гоголя // Проблемы исторической поэтики. 2020. Т. 18, № 2. С. 64–86.
3. *Виноградов И.А.* Летопись жизни и творчества Н.В. Гоголя (1809–1852). Научное издание: в 7 т. М.: ИМЛИ РАН, 2018. Т. 7. 640 с.
4. *Виноградов И.А.* Н.В. Гоголь и законы Российской Империи: К единству наследия писателя // Два века русской классики. 2020. Т. 2, № 2. С. 66–133.
5. *Виноградов И.А.* Психологизм Н.В. Гоголя // Два века русской классики. 2020. Т. 2, № 4. С. 6–73.
6. *Виноградов И.А.* Художник и власть. Н.В. Гоголь и цензурная политика XIX–XX вв. // Два века русской классики. 2021. Т. 3, № 1. С. 40–111.

7. *Виноградов И.А.* Эволюция текста: авторский комментарий Н.В. Гоголя к поэтике комедии «Ревизор» // Проблемы исторической поэтики. 2020. Т. 18, № 1. С. 146–174.
8. *Гоголь Н.В.* Полн. собр. соч. и писем: в 17 т. (15 кн.) / сост., подгот. текстов и коммент. И.А. Виноградова, В.А. Воропаева. М.: Киев: Изд-во Московской Патриархии, 2009–2010.
9. *Гоголь Н.В.* Полн. собр. соч. и писем: в 23 т. М.: Наука, 2012. Т. 7. Кн. 1 / тексты и коммент. подготовили Н.Л. Виноградская, П.Ю. Гуревич, Е.Е. Дмитриева, И.А. Зайцева, Ю.В. Манн, О.К. Супронюк, А.С. Шолохова. 808 с.
10. *Звягинцев А.Г.* «Вирус нацизма» // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки. 2019. № 2 (95). С. 41–50.
11. *Иноземцева З.П.* Усвоить духовные плоды подвига новомучеников и исповедников XX столетия — насущная задача нашего общества // Оптинский альманах. Козельск: Введенский ставропигиальный мужской монастырь Оптина пустынь, 2020. Вып. 6: В поисках Града Небесного. С. 133–153.
12. Переписка Я.К. Грота с П.А. Плетневым / под ред. К.Я. Грота. СПб.: Типография Министерства путей сообщения, 1896. Т. 2. 968 с.
13. *Плетнев П.А.* Сочинения и переписка / издал Я. Грот. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1885. Т. 3. 757 с.
14. *Сербский Г.П.* Авторские недосмотры и автоцензура в первом томе «Мертвых душ» Гоголя // Страницы истории русской литературы. К 80-летию члена-корреспондента АН СССР Н.Ф. Бельчикова. М.: Наука, 1971. С. 366–375.
15. *Смирнова-Россет А.О.* Дневник. Воспоминания / изд. подгот. С.В. Житомирская. М.: Наука, 1989. 792 с.

Research Article

N.V. Gogol's Works and Censorship

© 2021. Igor A. Vinogradov

A.M. Gorky Institute of World Literature of Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

Abstract: For the first time, an analytical review of all, without exception, censorship stories of N.V. Gogol's works is presented. An objective picture of Gogol's relationship with the censorship is being recreated. The findings of the study allow, with good reason, to judge about the interference of censors in the writer's works in a fundamentally different way, in comparison with the ideas offered by literary criticism of the previous period without solid evidence. Based on a thorough analysis, involving numerous archival sources, the common, stereotypical opinions about the extremely negative role of censorship in Gogol's fate are being revised. The most significant negative result among all censorship interventions in Gogol's works was the activity of the censor of Westernizing views, opposed to the government, a professor at St. Petersburg University, A.V. Nikitenko. It is the numerous reductions of Nikitenko,

a friend of V.G. Belinsky, in Gogol's religious and patriotic book “Selected Passages from Correspondence with Friends” that the writer called “censorship murder”. No less significant was the intervention of the liberal censor in the texts of “Dead Souls”, “Theatrical Travel after the Presentation of a New Comedy” and other works of the writer. It is concluded that, with the exception of this “intrigue” against Gogol by the censor Nikitenko, on the whole Gogol's texts encountered relatively insignificant difficulties in censorship.

Keywords: Gogol, biography, creativity, censorship, interpretations, author's intention, poetics, social ideology, history of Russia, spiritual heritage.

Information about the author: Igor A. Vinogradov, DSc in Philology, Director of Research, A.M. Gorky Institute of World Literature of Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-9151-4554>. E-mail: info@imli.ru

For citation: Vinogradov, I.A. “N.V. Gogol's Works and Censorship.” *Literaturnyi fakt*, no. 2 (20), 2021, pp. 238–256. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2021-20-238-256>

References

1. Vinogradov, I.A. *Gogol' v vospominaniakh, dnevnikakh, perepiske sovremennikov. Polnyi sistematicheskii svod dokumental'nykh svidetel'stv. Nauchno-kriticheskoe izdanie: v 3 t. [Gogol in Contemporaries' Memoirs, Diaries and Correspondence. Full Systematic Set of Documentary Evidence. Scientific and Critical Edition: in 3 vols.]*, vol. 1. Moscow, IWL RAS Publ., 2011. 904 p. (In Russ.)
2. Vinogradov, I.A. “Kontsept zakona v tvorchestve N.V. Gogolia” [“Concept of Law in the Works of N.V. Gogol”]. *Problemy istoricheskoi poetiki*, vol. 18, no. 2, 2020, pp. 64–86. (In Russ.)
3. Vinogradov, I.A. *Letopis' zhizni i tvorchestva N.V. Gogolia (1809–1852). Nauchnoe izdanie: v 7 t. [Chronicle of N.V. Gogol's Life and Work (1809–1852). Scientific Edition: in 7 vols.]*, vol. 7. Moscow, IWL RAS Publ., 2018. 640 p. (In Russ.)
4. Vinogradov, I.A. “N.V. Gogol' i zakony Rossiiskoi Imperii: K edinstvu nasledia pisatel'ia” [“N.V. Gogol and the Laws of the Russian Empire: On the Unity of the Writer's Heritage”]. *Dva veka russkoi klassiki*, vol. 2, no. 2, 2020, pp. 66–133. (In Russ.)
5. Vinogradov, I.A. “Psikhologizm N.V. Gogolia” [“Psychology of Nikolai Gogol”]. *Dva veka russkoi klassiki*, vol. 2, no. 4, 2020, pp. 6–73. (In Russ.)
6. Vinogradov, I.A. “Khudozhnik i vlast'. N.V. Gogol' i tsenzurnaia politika XIX–XX vv.” [“Artist and Authorities. Nikolay Gogol and the Censorship Policy of the 19th–20th Centuries”]. *Dva veka russkoi klassiki*, vol. 3, no. 1, 2021, pp. 40–111. (In Russ.)
7. Vinogradov, I.A. “Evoliutsiia teksta: avtorskii kommentarii N.V. Gogolia k poetike komedii ‘Revizor’.” [“Evolution of the Text: Commentary by N.V. Gogol to the Poetics of the Comedy ‘The Inspector General’.”] *Problemy istoricheskoi poetiki*, vol. 18, no. 1, 2020, pp. 146–174. (In Russ.)
8. Gogol', N.V. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 17 t. (15 kn.) [The Complete Works and Letters: in 17 vols. (15 books)]*, comp., text prep and comm. by I.A. Vinogradov, V.A. Voropaev. Moscow, Kiev, Izdatel'stvo Moskovskoi Patriarkhii Publ., 2009–2010. (In Russ.)
9. Gogol', N.V. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 23 t. [The Complete Works and Letters: in 23 vols.]*, vol. 7, book 1, texts and comm. prep. by N.L. Vinogradskaiia, P.Iu. Gurevich,

E.E. Dmitrieva, I.A. Zaitseva, Iu.V. Mann, O.K. Suproniuk, A.S. Sholokhova. Moscow, Nauka Publ., 2012. 808 p. (In Russ.)

10. Zviagintsev, A.G. “Virus natsizma” [“Virus of Nazism”]. *Vestnik Rossiiskogo fonda fundamental'nykh issledovaniĭ. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, no. 2 (95), 2019, pp. 41–50. (In Russ.)

11. Inozemtseva, Z.P. “Usvoit' dukhovnye plody podviga novomuchenikov i ispovednikov XX stoletia — nasushchnaia zadacha nashego obshchestva” [“To Assimilate the Spiritual Fruits of the Feat of New Martyrs and Confessors of the 20th Century is the Urgent Task of Our Society”]. *Optinskii al'manakh [Optina Monastery Almanac]*, issue 6: V poiskakh Grada Nebesnogo [In Search of the Heavenly City]. Kozel'sk, Vvedenskii stavropigial'nyi muzhskoi monastyr' Optina pustyn' Publ., 2020, pp. 133–153. (In Russ.)

12. *Perepiska Ia.K. Grot s P.A. Pletnevym [Correspondence Between Ya.K. Grot and P.A. Pletnev]*, vol. 2, ed. by K.Ia. Grot. St. Petersburg, Tipografiia Ministerstva putei soobshcheniia Publ., 1896. 968 p. (In Russ.)

13. Pletnev, P.A. *Sochineniia i perepiska [Works and Letters]*, vol. 3, ed. by Ya. Grot. St. Petersburg, Tipografiia Imperatorskoi Akademii nauk Publ., 1885. 757 p. (In Russ.)

14. Serbskii, G.P. “Avtorskie nedosmotry i avtotsenzura v pervom tome ‘Mertvykh dush’ Gogolia” [“Author's Oversights and Auto-censorship in the First Volume of Gogol's ‘Dead Souls’.”]. *Stranitsy istorii russkoi literatury. K 80-letiiu chlena-korrespondenta AN SSSR N.F. Bel'chikova [Pages of the History of Russian Literature. On the 80th Anniversary of the Corresponding Member of the USSR Academy of Sciences N.F. Belchikov]*. Moscow, Nauka Publ., 1971, pp. 366–375. (In Russ.)

15. Smirnova-Rosset, A.O. *Dnevnik. Vospominaniia [Diary. Memoirs]*, ed. by S.V. Zhitomirskaia. Moscow, Nauka Publ., 1989. 792 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 28.12.2020

Одобрена после рецензирования: 19.01.2021

Дата публикации: 25.06.2021

The article was submitted: 28.12.2020

Approved after reviewing: 19.01.2021

Date of publication: 25.06.2021